

Лукачевский Александр Тимофеевич

**Марксизм-ленинизм как
воинствующий атеизм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Тимофеевич Л.**
Марксизм-ленинизм как воинствующий атеизм / Лукачевский Александр
Тимофеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 92 с.

ISBN 978-5-519-93988-1

ISBN 978-5-519-93988-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

бога, то возможна и алхимия без философского камня». Как средневековая алхимия невозможна была без философского камня, так невозможна и религия без веры в бога. В то же время именно благодаря своему анимистическому содержанию религии играют классовую, эксплуататорскую роль. «Религия — опиум для народа», — таково основное положение марксизма-ленинизма в вопросе о религии. Ленин неоднократно в своих статьях подчеркивал эксплуататорскую сущность идеи бога. Особенно четко он ставит вопрос в этом отношении в письме к Максиму Горькому в декабре 1913 г.: «Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла социальные чувства, подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не связывала личность с обществом, а *всегда* связывала угнетенные классы с верой в божественность угнетателей» (курсив Ленина).

Марксизм-ленинизм, рассматривая религию как одну из идеологий, выводя ее из определенных общественных отношений, подчеркивает ее преходящий, исторический характер. Неправильное, искаженное отражение общественных отношений в идеологии происходит тогда, когда сами общественные отношения неправильны и искажены. Как писал Маркс в знаменитой главе «Капитала» о «товарном фетишизме и его тайне», «религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободно обобществившихся людей и будет находиться под их сознательным и планомерным контролем»¹.

Беспомощность и бессилие человеческого общества перед природой и общественными отношениями, бессилие и беспомощность эксплуатируемых классов в борьбе против эксплуататоров — вот что порождает и поддерживает религию². Класс эксплуататоров находит в религии орудие для защиты эксплуатации и для одурманивания трудящихся.

¹ См. также Ф. Энгельс — Анти-Дюринг, 1922, стр. 179, а также программу ВКП(б) § 13.

² Ленин — О социальных корнях религии в капиталистическом обществе, в статье „Об отношении рабочей партии к религии“, а также высказывания Маркса в „Критике гегелевской философии права“, стр. 3. Соч., т. I, 1923, „Капитал“, т. I, 1920, стр. 48; Энгельс — Анти-Дюринг, 1922, стр. 179.

Использование религии как орудия защиты эксплуатации и одурманивания эксплуатируемых — вот что питает, помимо других общих причин, религиозные настроения и в эксплуататорских классах.

«Все и всякие угнетающие классы, — писал Ленин, — нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционные настроения, разрушать их революционную деятельность».

«Когда общество, — говорит Ленин и в другой статье, — устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит лишения и «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно переносить земной ад ради небесного будто бы рая»¹.

Говоря о религии, совершенно необходимо иметь в виду оба указанных важнейших ее отличительных признака, неразрывно связанных между собой: ее классовое содержание, классовую, эксплуататорскую роль и ее мистическую форму, содержащийся в религии анимизм, веру в бога, в сверхъестественные силы. Забывая о классовой роли религии, мы становимся на позиции буржуазных «свободомыслящих» и «просветителей». Если к тому же упустить из внимания веру в божество как важнейший признак религии и называть религией самые разнообразные чувства и идеи, то легко стать на путь примирения с религией.

Религия складывается из трех элементов — религиозных или мистических идей, из настроений, или чувств и действий, или обрядов. «Религию, — говорит по этому поводу Плеханов, — можно определить как более или менее стройную систему представлений, настроений и действий. Представления образуют мифологический элемент религии, настроения относятся к области религиозного чувства, а действия — к области религиозного поклонения, или, как говорят иначе, культа». Плеханов далее показывает, что мифологический элемент в религии является по своему содержанию аними-

¹ Ленин — Крах II Интернационала. Политика, агитация и классовая точка зрения.

стическим, но что анимистические идеи сами по себе еще не составляют религии. Только в соединении с известными действиями и чувствами они являются религией¹.

Необходимо отметить, что Плеханов, обстоятельно раскрыв формальную сторону религии, очень мало говорит об ее классовой сущности. В этом отношении, как и в вопросах борьбы с религией, он не только не развивает дальше положений Маркса и Энгельса, как это сделал Ленин, но по существу дела стоит на просветительской точке зрения, подобно буржуазным свободомыслящим, боровшимся с религией, но не доводившим свою борьбу до признания ее классовой роли.

Подход, далекий от марксизма, характерен для Плеханова в вопросе о первобытной религии и о религиях классового общества. Так например, возникновение государственных религий Плеханов изображает в следующих чертах: раз возникло правительство, возникают известные отношения между правящими и управляемыми. За правящими признается обязанность заботиться о благосостоянии управляемых; за управляемыми признается обязанность подчиниться правителям. Кроме того там, где существуют определенные законы, естественно существуют также их профессиональные хранители: законодатели и судьи. И все эти отношения между людьми получают (почему?! — А. Л.) свое фантастическое выражение в религии. Боги становятся небесными царями и небесными судьями.

В этих соображениях Плеханова ни слова не сказано о классовой роли религии, о развитии ее в процессе классовой борьбы. Плеханов подходит к религии прежде всего и по преимуществу как неправильной теории о природе и обществе, забывая ее классовую, эксплуататорскую роль. Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии» писал:

«Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса». Плеханов же по поводу анкеты, предпринятой журналом «Социалистическое движение» по вопросу об отношении социалистических партий к клерикализму, переводит вопрос в другую плоскость. — «А теория — современный научный социализм, — говорит он, — отвергает религию как порождение ошибочного взгляда

¹ Плеханов — О так называемых религиозных ископаемых в России, т. XVII, стр. 261.

на природу и на общество и осуждает ее как препятствие для всестороннего развития пролетариата»¹. Это не марксистско-ленинская установка, а просветительский подход. Этот просветительский подход тесно связан со всем учением Плеханова о религии.

Однако еще дальше отстоят от правильного марксистского понимания религии попытки рассматривать ее, отвлекаясь не только от ее классовой роли, но и от присущей ей анимистической идеи бога. Эти попытки ведут к защите религии, к увековечению религии, как чего-то неизбежного и необходимого для человеческого общества. В таких случаях обычно берется какая-либо одна сторона религии, какая-либо одна ее черта. Имеются например буржуазные определения религии, которые рассматривают чувство как основной и определяющий момент религии. Немецкий пастор Шлейермахер, выступивший в начале XIX столетия в защиту религии, утверждал, что «истинная религия есть чувство и вкус к бесконечному». Шлейермахер даже утверждает, что каждое здоровое чувство есть по существу религиозное чувство, например чувство любви между супругами. В работе ученого, открывающего в частных явлениях общие законы, Шлейермахер опять видит стремление к вечному и бесконечному, т. е. открывает религию. Отсюда, разумеется, Шлейермахеру ничего не стоит заявить о вечности и неистребимости религии.

Такой же апологетический характер имеет и попытка Льва Толстого отождествить свою религию с моралью. Во всякой более или менее развитой религии мы находим элементы морали: религия направляет действия людей в какую-либо сторону, воспитывая в них определенные настроения. Но это отнюдь не значит, что мораль как таковая сама по себе составляет религию. Мораль может существовать и независимо от религии. Известные нормы поведения будут существовать и в коммунистическом обществе. Лев Толстой смотрит иначе; во всех религиях он пытается найти одно и то же нравственное учение, которое и считает основой религии. Толстой не видит, что мораль обусловливается общественным развитием, что с изменением социально-экономических отношений меняется и мораль. Вопреки фактическим данным Толстой утверждает, что мораль неизменна, вечна, абсолютна, не зависит от общества. Исходя из этой неверной предпосылки, Толстой делает вывод, что есть

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 378—379.

вечный дух, который и есть самая мораль (любовь или добро, как говорит Толстой). Отсюда же он делает вывод о ценности и вечности религии.

Необходимо остановиться на ошибках Фейербаха, Иосифа Дицгена, Луначарского в вопросе об определении религии. Они считали, что вера в сверхъестественный мир не является неотъемлемым признаком религии, что может быть «религия без бога», т. е. без анимистического содержания. Великий материалист XIX в., предшественник Маркса и Энгельса, Людвиг Фейербах, нанес немало сокрушительных ударов религии. Фейербаховская критика христианства, самый принцип сведения сущности религии к сущности человека для своего времени явился революционным фактом не только для научной мысли, но и для политической жизни Германии. Но самого человека Фейербах понимал идеалистически, абстрактно, беря его вне времени и пространства. Фейербах в объяснении происхождения и развития религии исходит не из общества, а от человека вообще. Абстрактный, изолированный человек Фейербаха — какая-то «неизменяемая сущность». Такая постановка оставляет лазейку поповщине. Защитники религии могут в таком случае заявить, что раз есть неизменная человеческая сущность, то почему не быть и более высокому абсолюту — богу. Вместе с тем Фейербах считал, что религия останется, но она не будет больше верой в существование бога. Фейербах утверждает, что основой религии является чувство.

По учению Фейербаха, религия есть основанное на чувстве сердечное отношение между людьми — отношение, которое до сих пор старалось найти свое истинное содержание в фантастическом отражении действительности в виде веры в бога, а теперь непосредственно и прямо находит его в любви между «я» и «ты». Религия, очищенная и преобразованная, возводится таким путем в вечную категорию, поскольку отношения людей, основанные на взаимной склонности: любви, дружбе, сострадании и т. д., будут всегда существовать.

Свои взгляды Фейербах основывал между прочим и на филологическом анализе самого слова «религия». Слово «религия» происходит из латинского языка или от глагола «religare» (связывать, соединять), или от глагола «religere» (перечитывать, почитать). В первом случае «религия» означает «союз» (подразумевая — между людьми и богом), во втором «почитание», «культ». Фейербах брал первое толкование. Энгельс выступил с резкой критикой попытки Фейербаха сохранить религию, против его филологических приемов. Он

писал: «Фейербах вовсе не хочет упразднить религию, он хочет дополнить ее».

Насчет же самого слова «религия» Энгельс замечает: «Подобные этимологические фокусы представляют собою последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое они получили путем долгого исторического употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своей этимологической родословной».

Пролетарский материалист-философ Иосиф Дицген, а позже за ним А. В. Луначарский пытались отождествить социализм с религией. Дицген, сам борющийся с научной поповщиной, в то же время писал в «Религии и социал-демократии»: «До сих пор религия была уделом пролетариата. Теперь, наоборот, дело пролетариата приобретает характер религии, т. е. становится догмой, воспринимаемой верующими всем сердцем и всей душой». Религия таким образом идеализируется Дицгеном и попадает в разряд вечных категорий. Тов. Луначарский в эпоху реакции, после революции 1905 г., увлекался упадочными идеями «богоискательства», заявляя без всяких обиняков: «Итак мы утверждаем, что религия жива и будет вечно жить». Он считал, что марксисты должны «обожать» высшие потенции человечества — «всесознание, всеблаженство, всемогущество», видеть в них «бога». Здесь ошибка т. Луначарского заключается прежде всего в том, что он берет человечество абстрактно, а не в историческом развитии, приписывает человечеству врожденные абсолютные «потенции». Все это — идеалистический подход. Далее, ошибка т. Луначарского в том, что он оставляет слова «религия», «бог», но пытается придать им новое толкование вместо обычного, исторически выработанного. Учение о классовой борьбе пролетариата т. Луначарский рассматривал как религию, а не как науку; он стоит в те времена на позициях махизма, который отрицает объективный характер законов в природе и общественной жизни и стоит на точке зрения релятивизма, абсолютной относительности научных выводов. Луначарский писал о науке: «В сущности наука вообще не имеет в себе гарантии безусловности своих законов». Милль¹ прав в этом отношении, говоря: «Земля и через 10 лет и через 100 лет будет вращаться вокруг своей оси, — мы выражаем лишь величайшую степень вероятности»². Поэтому и в социализм, по тогдашней теории Луначарского,

¹ Джон Стюарт Милль (1809—1873), английский философ и экономист. Отрицал возможность познания мира.

² А. Луначарский — Социализм и религия, стр. 41—47.

можно лишь верить, можно верить в великие потенциальные силы человечества, но научно доказать победу социализма нельзя.

Ленин считал увлечение богостроительством и призывы к «социалистической религии» величайшей пошлостью.

Социал-фашистские теоретики, оправдывая отказ своей партии от антирелигиозной борьбы, полное примиренчество и поддержку религии, не могут конечно пользоваться марксистским понятием религии. Каутскому например нет никакого дела до того, как определяли религию Маркс и Энгельс. Еще в старое время, в 1902 г., Каутский писал в статье «Социал-демократия и католическая церковь»: «Понятие религии очень неопределенное и изменчивое, число ее определений — легион». «Однако, — продолжает дальше Каутский, — все эти различные определения можно свести к двум определенным типам. С одной стороны, словом религия обозначают индивидуальное душевное состояние, возвышение личности над ее преходящими интересами, в своем роде этический, какой-то чрезмерный идеализм». «С другой стороны, — продолжает далее Каутский, — под религией понимают историческое массовое явление, картину мира, к которой массы приходят не через свой личный опыт, но иным путем, а именно со слепой верой принимают ее от какого-нибудь стоящего над ними авторитета и делают ее нормой своих мыслей и стремлений». Таким образом по Каутскому существуют два вида религии. «Религия, как задушевное дело отдельного человека, а значит как частное дело, с одной стороны, и исторически возникшие массовые религии, представляющие общественный продукт, не только весьма различны между собой, но сплошь да рядом очень плохо ладят между собой, так как, в то время как первая не признает никакой другой руководящей нити для этических и духовных переживаний кроме собственной совести, вторые требуют подчинения всяческой совести какому-нибудь общественному авторитету, притязавшему на сверхчеловеческое происхождение». Все эти высказывания ничего общего не имеют с марксизмом. Каутский идеализирует религию. Рассматривая «массовую религию» как общественный продукт и ничего не говоря в то же время про «другую» религию, он этим самым приписывает последней сверхестественное происхождение, вне времени, вне исторических условий. Это не марксизм, а поповщина. Каутский создает теорию двух религий, чтобы оправдать и защитить религию вообще: одна религия «внутренняя», другая «внешняя». Первая религия — явление якобы возвышенное, этическое, вполне

соединимое с социализмом. Именно по этой схеме писал Каутский свою историю первоначального христианства. Само по себе христианство — якобы движение революционное, коммунистическое, против христианства как такового бороться не надо. Все зло в клире, церковной организации.

В статье «Социал-демократия и католическая церковь» Каутский так формулирует это противопоставление между религией и церковью: «Несмотря на то, что социал-демократия всякое религиозное убеждение считает и объявляет, как частное дело каждого отдельного человека, несмотря на то, что учение евангельского христианства соединимо с нашими целями, наталкивается она в своей борьбе на враждебность того авторитета клира, которым пользуется католичество как массовая религия».

Идеализация религии, сопоставление ее с социализмом проходит также через ряд работ других социал-демократических писателей. При этом продлевается тот же самый фокус с религией: религия объявляется системой нейтральной по отношению к классовой борьбе, она-де только содержит неправильные, ненаучные мысли о природе. Все скверное, контрреволюционное, что имеется в религии, — это собственно относится не к религии, а к церкви. Значит, надо направить борьбу не против религии, а против церкви. Такого рода установки особенно яркое выражение нашли в последние годы. Несколько лет назад социал-демократические партии пересматривали свои программы. Австрийская социал-демократическая партия рассматривала свою программу на Линцском партийтаге. Этот пересмотр коснулся также вопроса об отношении партии к религии. Оппортунистическая формулировка Эрфуртской программы получила дальнейшее углубление и развитие в сторону оппортунизма.

Лидер австро-марксистов Отто Бауэр выпустил специальную брошюру под названием «Социал-демократия, религия и церковь», чтобы затушевать измену марксизму и рабочему классу и в вопросе религии, которую совершили социал-фашисты в Линце. Делает это он при помощи противопоставления религии и церкви. «Папа, кардиналы, епископы, прелаты — это церковь. Бедный мелкий крестьянин, который, когда тучи заволакивают небо и град грозит уничтожить урожай на поле, результат тяжелой годовой работы, складывает руки и умоляет: «хлеб наш насущный дай нам ныне» — это религия. Могущественная организация господства, дипломаты которой пребывают при всех дворах, князья которой руководят огромными партиями и влияют на судьбы

государств, — это церковь. Мать, которая у кровати своего больного ребенка ищет утешения и спасения в пламенной молитве к матери бога, — это религия. Искусно нагроможденные в течение столетий басни догматического богословия, — это церковь. Скромная легенда, которую мать рассказывает своему ребенку, — это религия». Таким образом, по Бауэру, религия ничего общего не имеет с классовой борьбой. Ведь это очень невинно и трогательно, когда мать, склонившаяся над изголовьем своего больного ребенка, рассказывает ему божественную сказку.

И поэтому, когда рабочий класс переносит свою ненависть на религию, он совершает ошибку. Вина в том во всем церковь, а не религия. Мы находим на стр. 21 этой книжки такое неподобающее место:

«Капитализм принуждает рабочего к классовой борьбе, но в классовой борьбе рабочий натывается на клир, на служащих своего, классового противника. Рабочий переносит свою ненависть против церковников на самую религию, именем которой церковники защищают буржуазный общественный строй». По Бауэру выходит, что рабочие совершенно неправильно нападают на религию, которая здесь совершенно не при чем. Эти положения Бауэра оправдывают в то же время и конкордаты с католической церковью. Почему не заключить конкордат, если можно путем повышенной оплаты заставить духовенство служить в интересах рабочего класса? Разумеется, здесь совершается социал-фашистами двойной обман. Получая деньги от государства, церковники продолжают служить буржуазии, а не кому-либо другому, как это уверяют социал-фашисты. И дело не только в церкви, но и в самой религии.

Маркс и Энгельс нигде не говорили, что есть два вида религии — какая-то внутренняя религия и внешняя. Религия как определенная система идей, настроений и обрядов является контрреволюционной силой, враждебной пролетариату. Церковь играет контрреволюционную роль только потому, что есть религия, затемняющая классовое сознание трудящихся религиозными небылицами. Марксизм-ленинизм не разделяет в данном случае религии и ее аппарата, церкви. В этом отношении характерны слова Ленина: «Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса».

В настоящее время также нередки случаи, когда буржуазные ученые и белогвардейцы называют марксизм-лени-

низм религией, а коммунистическую партию — религиозной сектой. Здесь совершенно неверно за признаки религии и притом основные берутся такие факты, как дисциплина, борьба за идею и т. п. Грубую ошибку также делают те буржуазные мыслители, которые хотят видеть в науке религию будущего. Так Гюйо в своей книге «Безверие будущего» писал: «Мы можем сказать, что наука — это религия, которая возвращается к действительности, вновь находит свойственный ей путь, вновь находит, так сказать, себя самое» (стр. 186). При таком отождествлении религию лишают самого основного ее признака — веры в существование сверхъестественного мира. Лишь марксистско-ленинское понимание религии является единственно научно правильным и превращается поэтому в могущественное орудие в борьбе пролетариата против религии и церкви.